

22. Тычинских З. А. О хозяйственном укладе тюркского населения Сибирского ханства // История, экономика и культуры средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Междунар. конф. Курган, 2011. С. 29–33.
23. Белич И. В. Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г. Тюмень // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 20–28.
24. Маслоуженко Д. Н. Указ. соч. С. 25–32.
25. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: в 4 ч. Ч. 2. СПб., 1776. С. 114.
26. Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1891. С. 101.
27. Тимиров Р. Р. Тюркская топонимия Ингальской долины: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. С. 64.
28. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 196–197.
29. Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 128.
30. ИЭС: в 3 т. Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 282.

Т. Н. КОНДРАТЬЕВА

доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

БОРИС ПОРШНЕВ: СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИКА

Приобщение советского франковеда Бориса Федоровича Поршнева (1905–1972) к историческому ремеслу происходило в 1920-е гг. Среднее образование Б. Ф. Поршневу получил в Петрограде, где в 1921 г. окончил Выборгское училище [1]. В 1922 г. он становится студентом 1-го Петроградского государственного университета по общественно-педагогическому отделе-

нию факультета общественных наук (ФОН), но из-за переезда семьи сразу же переводится на аналогичный факультет в 1-й Московский государственный университет [2]. Общественно-педагогическое отделение ФОН в 1-м МГУ возникло в 1919 г. на основе преобразованного исторического отделения. В апреле 1925 г. ФОН был ликвидирован, а на его месте создали факультет советского права и этнологический факультет, который Б. Ф. Поршнев окончил несколько месяцев спустя. К сожалению, среди сохранившихся 1559 личных дел студентов ФОН 1-го МГУ личное дело студента Б. Ф. Поршнева, которое могло бы дать перечень изучаемых им дисциплин и информацию о качестве полученных знаний, не сохранилось [3].

Имеющиеся в нашем распоряжении учебные планы показывают, что никакой особой системы преподавания в первые годы советской власти еще не сложилось. Из учебного плана ФОН 1-го МГУ 1923–1924 гг. видно, что первый год обучения посвящался марксистским курсам. Во время второго года обучения только половина времени отводилась истории, притом новой и новейшей истории России. Курсы по истории Древнего мира и по истории Средних веков предлагались как альтернативные. Таким образом, выпускник, по замыслу создателей такого образования, должен был хорошо ориентироваться в современной теории марксизма, но почти не знакомился с предшествующей историей тысячелетий [4].

В 1926 г. в краткой биографии Б. Ф. Поршнев писал о своей учебе в 1-м МГУ и о жизни так: «Главным предметом занятий в Университете являлись теория марксизма (исторический материализм и политическая экономия), общие курсы новой истории и история социализма». Здесь же он отмечал, что был вынужден из-за тяжелого материального положения начать в 1924 г. работать секретарем в журнале «Власть Советов», что отнимало по 6–7 часов ежедневно. Весной 1925 г. Б. Ф. Поршнев перешел на работу научным сотрудником в только что образованный при Коммунистической академии Институт советского строительства, после чего поступил в аспирантуру Института истории РАНИОН, где специализировался по сек-

ции новой русской истории, которой руководил большевик В. И. Невский [5].

Об учебе и работах Б. Ф. Поршнева можно судить по сохранившимся учетным аспирантским карточкам и некоторым другим документам. Судя по примерному учебному плану за 1926/27 учебный год [6] к 10 октября 1927 г. он уже написал и прочитал доклад по политической экономии «Цены производства», а также работал над темой по историческому материализму «Социальная методология Макса Вебера» и над двумя темами по специальности: 1) «Основные черты славянофильства» [7], 2) «Внешняя политика России в XIX в.». Кроме того, он предлагал утвердить ему третью тему по специальности, которая бы касалась особенностей развития капитализма в России, по Древнему миру — «О главнейших теориях экономического развития», по Средним векам — «О сущности и генезисе феодализма и городского строя» и по новой истории — «тему из истории философско-общественной мысли в Германии до 48 года (младогегельянство)». Вероятно, предложенные аспирантом темы подверглись позднее корректировке. 9 декабря 1927 г. на заседании секции новой русской истории ему предложили «взять одну из тем [...] по истории России до XIX в.; уточнить тему по средневековой истории» [8]. Руководитель семинария по политэкономии Позняков отметил, что работа Б. Ф. Поршнева «хорошая» [9].

В 1927 г. Б. Ф. Поршнева сосредоточил свои силы на написании доклада о славянофильстве для семинария В. И. Невского. 26 сентября 1927 г. он писал, обращаясь в Коллегию института истории, что это исследование будет иметь 4 главы, первая из которых, составляющая «около 2-х печатных листов», уже сдана научному руководителю. Глава будет прочитана в семинаре В. И. Невского в качестве доклада. В своем письме Б. Ф. Поршнева обещал закончить исследования «с возможной поспешностью», одновременно просил не ограничивать его «слишком жесткими сроками» [10]. Остается неясным, когда и в каком виде доклад был сдан или зачитан автором. С одной стороны, в карточке аспиранта, которая велась во время пребывания Б. Ф. Поршнева в аспирантуре и частично осталась незаполнен-

ной, записано В. И. Невским: «Доклад: “Основные черты славянофильства” разработан интересно и оригинально» [11]. В отзыве от 31 октября 1927 г. о работе своего семинариста В. И. Невский отмечал «большую эрудицию автора [...] в вопросах русской общественной мысли и революционного движения. Решение задачи, данное в теме, оригинально и талантливо [...]. Считаю работу т. Поршнева достойной не только (подчеркнуто в обоих случаях В. И. Невским. — Т. Н.) зачета в семинарии, но и прочтения и защиты в секции» [12]. Из чего можно сделать вывод о том, что какой-то окончательный текст в октябре руководителем семинара был получен. С другой стороны, 26 ноября 1927 г. В. И. Невский сообщал Коллегии института, «что т. Поршневу семинарскую работу «Славянофильские черты народничества» подготовил уже в некоторой ее части, хотя и не закончил. Работа обещает быть интересной. В данный момент в черновом виде работа закончена почти целиком» [13].

Дополнительный свет на работу аспиранта Б. Ф. Поршнева за 1926–1927 гг. дает его отчет, написанный 18 сентября 1928 г., в котором он сообщал, что доклад «Основные черты славянофильства» (первоначальная тема «Черты славянофильства в народничестве»), подготовленный для семинара В. И. Невского и секции новейшей русской истории, будет зачитан только через 2–3 недели. Предварительного отзыва о написанных частях аспирант предоставить не мог ввиду отсутствия В. И. Невского в Москве. Причины такой задержки работы Б. Ф. Поршневу объяснял условиями прошлого года: позднее начало проведения семинара В. И. Невского. «Совмещая к тому же работу с политэкономическим семинаром, я вынужден был разорвать работу над славянофилами на две части, выкроив между ними два месяца для спешной работы над докладом “Цена производства”. Главная же причина носит объективный характер. Это — ряд непредвиденных мною трудностей темы и затруднений методологического порядка, которые и заставили меня в процессе работы произвести указанные значительные изменения темы. Сюда же надо прибавить ограниченное количество источников и материалов этой темы, особенно в ее новой расширенной постановке [...]. Для ра-

боты о славянофилах главной проработанной литературой являются сочинения Хомякова, Кириевского, Аксаковых, менее — Самарина, Данилевского, Леонтьева, Герцена, отчасти — Лаврова, Михайловского, Бакунина, Кошелева, Григорьева, Вл. Соловьева и др. Проработана частично литература, близкая к славянофильству, конца XIX — XX в.: Разумов, Страхов, Ильин, Добрынин и др. Кроме того, прочитана некоторая литература по истории России в XIX в.» [14].

Сохранился еще один любопытный документ. Это — учетная карточка аспиранта, которая гласит о том, что Б. Ф. Поршнев в 1927 г. выполнил следующую огромную по объему работу, а именно: 4 темы по специальности — «Основные черты славянофильства» (декабрь 1927 г.), «Русская внешняя политика в первой четверти XIX в.» (декабрь 1927 г.), «Социальные идеи Руссо» (декабрь 1927 г.), «Принципат Августа (Историография)» (декабрь 1927 г.) и одну работу по политической экономии — «Цены производства» (май 1927 г.) [15]. Можно, наверное, с осторожностью признать, что Б. Ф. Поршнев закончил в какой-то части свое исследование о славянофильстве к декабрю 1927 г., но гораздо труднее поверить в то, что он к этому же времени выполнил работу о внешней политике России XIX в. и написал текст о Руссо, который не собирался готовить еще двумя с половиной месяцами ранее. Объяснить обнаруженные несоответствия можно, думается, тем, что учет в Институте истории был, видимо, поставлен неважно, формальными требованиями нередко пренебрегали, а карточки заполнялись, как говорится, «по факту», т. е. позднее установленных сроков, может быть, даже перед очередной официальной ревизией или проверкой.

К началу 1928 г. в его активе было все-таки всего две работы, об этом свидетельствует докладная записка за 1928 г. в рабоче-крестьянскую инспекцию, которая включала полный список аспирантов. Напротив фамилии «Б. Ф. Поршнев» в графе «Выполненные работы» стоят две: «1. Цены производства. 2. Основные черты славянофильства» [16].

В 1926–1927 гг. Б. Ф. Поршнев, кроме написания двух докладов, приступил к самостоятельному изучению немецкого языка [17] и

участвовал в семинаре В. И. Невского в прениях по докладу «Положение горнозаводской промышленности и рабочих в 70-х гг. XIX в.» [18]. Иногда он находил время посещать заседания других секций. 15 апреля 1927 г. Б. Ф. Поршнев присутствовал на докладе директора Института истории академика Д. М. Петрушевского «Городское хозяйство и его идеология», сделанном в возглавляемой им секции средневековой истории [19].

В 1927/28 учебном году работа Б. Ф. Поршнева ограничилась только написанием доклада «Методология М. Вебера и марксизм», которая была зачтена руководителем семинария по историческому материализму А. Д. Удальцовым. Последний указал: «Доклад хороший. Подготовка достаточная» [20]. При работе над данным текстом выступления Б. Ф. Поршнев использовал «непереведенные» труды немецкого социолога и историка, чтобы усовершенствовать знание языка [21]. Помимо упомянутого, Б. Ф. Поршнев сообщает, что он много читал Гегеля и посещал по Гегелю специальный семинар, анализировал марксистскую периодику, изучал российскую и западную историческую литературу, приступил к изучению древнерусского языка [22], а также «участвовал в обсуждении докладов Маркелова, Токарева, Гайсанович и Кошелева» [23]. Помимо немецкого, в 1927/28 учебном году Б. Ф. Поршнев изучал французский язык. Преподаватель Потоцкая отмечала его «безукоризненную» посещаемость и «вполне удовлетворительные» знания и навыки [24]. В 1928 г. Б. Ф. Поршнев являлся редактором институтской стенной газеты [25].

В июне 1928 г. работа Б. Ф. Поршнева в институте была признана удовлетворительной. При этом ему рекомендовали «обратить внимание на необходимость выработки марксистской методологии (подчеркнуто карандашом. — Т. К.) на конкретном историческом материале» [26].

Отметим, что из переписки его старшей сестры Екатерины Борисовны с Михаилом Ильичем Роммом, которого брат и сестра Поршневы именовали «Мурой», видно, что семья в 1928 г. не бедствовала. Сестра и брат ездили в Петербург, искали дачу на лето, собирались в Крым. Из переписки видно, что аспирант и марксист Б. Ф. Порш-

нев не был таким уж марксистом. В письме от 22 февраля 1928 г. читаем: «мы ели блины, пили водку — по Ро(не разобрать слово) с лимонными корочками (вчера был последний день Масленицы), философствовали, долго и бурно ругались о математике (математику, собственно, ругали Санька и Борис, а мы с Митей ругали их), потом стали ругать марксизм, пока Ида не рассердилась и не предложила нам заняться чем-нибудь более нейтральным вроде биологии. Мы быстро согласились и стали спорить о том, какая разница между амфибиями и (не разобрать слово) <...>» [27].

В начале 1929 г. Б. Ф. Поршнев, как он сам пишет, тяжело заболел и представил 11 февраля 1929 г. в комиссию по учету академической успеваемости аспирантов заявление с просьбой о предоставлении 3-месячного отпуска, а также справку, выданную ему 9 февраля 1929 г. диспансером Государственного научного института невропсихиатрической профилактики, которая свидетельствовала, что он «страдает резким истощением центр[альной] нервной системы», ему «необходим полный покой и отдых от умственной работы в течение 2–3 месяцев» [28].

Следует отметить, что ни в одном документе мне не удалось обнаружить ни темы диссертационного исследования, ни упоминаний о написании диссертации. В карточках аспиранта и ведомостях есть соответствующие графы, но все они остались пусты. В протоколе совещания диссертантов от 16 апреля 1929 г. упомянут Б. Ф. Поршнев и еще 10 фамилий аспирантов, оканчивающих к 1 января 1930 г. институт без защиты диссертаций [36]. Здесь же можно встретить написанный от руки рабочий документ без даты, озаглавленный «Предполагаемый срок защиты диссертаций» с длинным перечнем фамилий, в котором напротив фамилии «Поршнев» стоит дата: «1/1 – 30», затем перечеркнутая. Вместо нее вписано: «Находится в отпуске по болезни» [29].

Видимо, болезнь, а может быть, и другие факторы привели к тому, что связь аспиранта Б. Ф. Поршнева и Института истории в 1929 г. ослабла. П. Ф. Преображенский отметил, что Б. Ф. Поршнев посетил только три его семинара, а В. И. Невский — 6 из 20 [30].

Предоставленный отпуск, по-видимому, не приводил автоматически к отсрочке выполнения учебного плана. Вот как Б. Ф. Поршнев в объяснительной записке от 20 мая 1929 г. описывал свою жизнь в первой половине этого года:

«Выполнение в текущем году всего одной работы объясняется следующим:

В начале года я работал над темой по ранней истории «Принципата Августа», которую пришлось отложить, т. к. в процессе работы я убедился, что необходимая литература [...] не может быть проработана в средний для аспирантского доклада срок.

Более месяца мною было потрачено на исправление и переработку доклада (прошлогодний) о славянофилах, и для написания в «Уч[еных] записках»...

В феврале на основании предписания нерво-психиатрического диспансера НВЗ, Коллегией ин-та мне был предоставлен 3-месячный отпуск [...] Я провел часть времени в санатории и часть просто не работая в Москве...

Следующая работа не по специальности, к работе над которой я уже приступил, будет готова к сентябрю—октябрю этого года» [31].

Этот текст показывает, что в первую половину 1929 г. ему зачли всего одну работу — доклад «Социальные идеи Руссо», как сказано в карточке аспиранта, «не по специальности в секции истории Запада», сданный в конце 1928/29 учебного года. О докладе можно судить только по сохранившимся отзывам С. М. Моносова — заведующего в это время кафедрой истории промышленного капитализма 1-го МГУ и члена секции истории Запада Института истории, и В. П. Волгина — заведующего секцией истории Запада (оба являлись членами Коллегии Института истории) [32]. Доклад не вызвал у рецензентов восторга. Они оба отметили склонность автора к спекулятивным построениям и синтетическому конструированию — грех, за который Б. Ф. Поршневу многократно будут пенять в дальнейшем [33]. С. М. Моносов сокрушался, что не может по докладу судить о марксистской подготовке автора, ибо «в своей работе он изучает не социальные корни учения Руссо и не историческую обстановку его

времени, а пытается лишь интерпретировать противоречие системы Руссо. При этом автор обнаруживает известные спекулятивные способности, но одновременно и неясность мысли, претенциозность, склонность к некоторым трюизмам и слабую философскую подготовку» [34].

В. П. Волгин, следуя дожившей до сегодняшнего дня академической традиции не говорить о непонравившейся работе ничего хорошего и все-таки одновременно оценивать ее положительно (чтобы с таковой, очевидно, больше не встречаться), так и поступил. Приведем полностью его любопытный и во многом типичный для таких пограничных (в экзистенциальном смысле) ситуаций отзыв: «Работа тов. Поршнева весьма своеобразна по построению. Это не столько историческое исследование, сколько теоретическое рассуждение. Тов. Поршнева берет по необоснованному выбору известный ряд положений Руссо, устанавливает между ними противоречия и затем производит с этими положениями чисто логические манипуляции, исходя из заранее взятого предположения о том, что «логические предпочтения» Руссо выражают «объективные противоречия» буржуазного общества» [35].

В 1929 г. Б. Ф. Поршнева, помимо продолжающегося изучения французского языка, начал осваивать английский и латынь. Видимо, нужда заставляла его подрабатывать экскурсоводом в музее Энгельса. Оценивая работу Б. Ф. Поршнева за 1928/29 учебный год, комиссия по академической успеваемости аспирантов сочла ее удовлетворительной, обратив «внимание тов. Поршнева на теоретическую неустойчивость». Его обязывали закончить учебный план — «2-й доклад по специальности, 2-ю работу не по специальности» — к 1 января 1930 г. Видимо, тем самым его пребывание в аспирантуре продлевалось. Хотя нельзя исключить и того, что продление было связано с неразберихой, вызванной переводом в 1929 г. Института истории РАНИОН в ведение Коммунистической академии. В цитируемой в этом абзаце карточке аспиранта сказано: «По вопросу о переводе в К[оммунистическую] А[кадемию]. Поручить разбор комиссии в составе А. Д. Удальцова, В. И. Невского и С. М. Моносова» [36].

27–28 мая 1929 г. Коллегия Института истории РАНИОН дословно утвердила решение комиссии [37].

9 июня 1929 г. было принято официальное решение о переводе в Институт истории Комакадемии Б. Ф. Поршнева с обязательством окончить его («без диссертации») к 1 января 1930 г. [38].

После каникул, 15 сентября 1929 г., в Институте истории Комакадемии проходило распределение на работу «беспартийных аспирантов». Поршнева среди них не оказался. Против его фамилии чья-то рука сделала характерную запись: «“В воздухе”, как не вошедший в первоначальное распределение» [39]. 31 декабря 1929 г. Коллегия Комакадемии приняла решение отчислить (среди других) аспиранта Б. Ф. Поршнева из Института истории, «предоставив ему право сдать невыполненные работы» до 1 октября 1930 г. [40].

В 1929 г., до формального окончания аспирантуры, Б. Ф. Поршнева написал две пространные работы. Это обширная рецензия на книгу П. П. Парадизова «Очерки по историографии декабристов» и семинарская работа по этнографии «О социальной природе шаманства у якутов».

Книга П. П. Парадизова, снабженная предисловием В. И. Невского, была одной из многих в череде работ, выпущенных к 100-летию юбилею декабристов [41]. В рецензии, т. е. во второй по хронологии печатной работе Б. Ф. Поршнева, отчетливо выступает главная черта его последующего творчества. Он сразу же определяет основную доминанту всех общественных практик и человеческого поведения. В рецензии речь идет о XIX в. и об историческом развитии капитализма в России, начало которому, по Поршневу, положило восстание декабристов. Б. Ф. Поршнева, вслед за М. Н. Покровским [42], именует это восстание «неудавшейся буржуазной революцией» и «прообразом всего последующего буржуазного развития России» [43]. Рецензируемая работа была историографической. Причем П. П. Парадизов сознательно ограничил круг анализируемых работ. По Б. Ф. Поршневу, историография — часть идеологии и политики, движение которой определяют ключевые фигуры, идеи и книги. Поэтому сознательная селекция историографических источников,

предпринятая П. П. Парадизовым, по словам рецензента, «составляет достоинство построения книги». Ибо избранные П. П. Парадизовым авторы «наиболее отчетливо выразили идеологию общественных сил старой России». Б. Ф. Поршнева не смущает социальное происхождение декабристов, поскольку, по его мнению, в России XIX в. от лица «буржуа [...] в течение целых десятилетий» говорили одни дворяне и разночинцы. Не замечать этого, как подчеркивает он, значит впадать в «метафизику», т. е. манипулировать «бесплотными общественными формами» [44].

Рецензия Б. Ф. Поршнева на книгу П. П. Парадизова заставляет выдвинуть еще одно предположение, не касающееся напрямую содержания анализируемой работы. Обусловлено оно мнением, утвердившимся в последнее время, что Б. Ф. Поршнева был учеником В. П. Волгина [45]. Мы не располагаем никакими данными о возможном влиянии В. П. Волгина на формирование Б. Ф. Поршнева во время его обучения в 1-м МГУ, где В. П. Волгин преподавал историю социализма и был ректором университета, а с 1925 г. — деканом этнологического факультета [46]. Но работа Б. Ф. Поршнева в ИСС под руководством А. С. Пионтковского и специализация по секции новой русской истории в Институте истории РАНИОН говорит в пользу того, что в 1920-х гг. он не собирался становиться ни франковедом, ни историком утопического социализма. Его интересовала российская история XIX в. и общественная мысль этого времени, что логично обусловило выбор секции новой русской истории, во главе которой стоял В. И. Невский. Кроме того, В. И. Невский учил Б. Ф. Поршнева, как, впрочем, вероятно, и В. П. Волгин, в 1-м МГУ. Вышеприведенные данные позволяют называть Б. Ф. Поршнева учеником В. И. Невского с большим основанием, чем В. П. Волгина. Еще один аргумент: именно на работу во Всероссийскую библиотеку им. В. И. Ленина, которой руководил В. И. Невский, поступает Б. Ф. Поршнева после возвращения из Ростова в 1932 г. [47]. Теперь о том, почему Б. Ф. Поршнева в дальнейшем позиционировал себя как ученик В. П. Волгина и никогда не вспоминал о В. И. Невском, С. А. Пионтковском и др. Ответ очевиден: в 1936–1937 гг. В. И. Не-

вский и С. А. Пионтковский были репрессированы и расстреляны, поэтому обозначать с ними свою связь до середины 1950-х гг. было по меньшей мере небезопасно. К этому времени Б. Ф. Поршнев стал уже признанным историком Франции, которому нужно было по каким-то причинам мифологизировать отчасти свою раннюю академическую биографию.

Заполняя в 1937 г. личный листок по учету кадров, Б. Ф. Поршнев указал, что начал работать в вузах Ростова-на-Дону в январе 1930 г. То же самое он писал в своей биографии [48]. Сохранившаяся машинопись его работы «О социальной природе шаманства у якутов» не имеет даты, но рецензия на нее В. К. Никольского (одного из трех рецензентов) датирована 30 марта 1930 г. Заголовок отзыва показывает, что он был написан по поручению социальной секции Института истории Комкадемии, датирован 19 февраля 1930 г. [49]. На титуле машинописи доклада, который, кстати, имеет автограф Б. Ф. Поршнева, сделана приписка неустановленного автора «т. Никольскому, т. Токареву» [50]. Эти две даты дают основание утверждать, что Б. Ф. Поршнев закончил доклад в конце 1929 — начале 1930 г. и перед отъездом в Ростов передал его в секцию.

Доклад Б. Ф. Поршнева занимает 74 машинописных листа. В списке использованной литературы значится 41 наименование, среди которых одна работа на немецком языке. Докладчик прежде всего дает характеристику современному состоянию изученности вопроса, подробно останавливаясь на исследованиях Д. Я. Самоквасова, М. Н. Хангалова, В. Ф. Троцанского, В. Н. Иванова, В. Л. Серошевского, С. И. Широкогорова. Сам Б. Ф. Поршнев в своем исследовании опирается на марксистский постулат о первичности материального и производности духовного, согласно которому «два мира не являются самостоятельными по отношению друг к другу [...], мир духовный или религиозный порождается миром социальным, составляет его внутренний элемент или функцию и находится от него в прямой и неразрывной зависимости» [51]. Свою собственную задачу он видит в том, чтобы исследовать

«социальную природу шаманства историческим путем в применении к эволюции якутского рода» [52], замечая далее, что «этнологи и социологи в многообразии культур не могут реконструировать звенья (все распадается), найти закономерности» [53]. Самому Б. Ф. Поршневу хотелось бы провести эту реконструкцию от «нулевой точки культуры» («Nullpunkt der Kultur») до отношений в якутских сообществах начала XX в. Его доклад представляет попытку построить некую универсальную теорию. При этом используется не столько конкретный фактический материал, сколько теоретические постулаты из марксизма, социологии, психологии, теоретических и исторических работ по ранним формам религии и культуры. Видимо, столь разнородные установки плохо стыковались друг с другом, потому доклад оказался композиционно рыхлым и недостроенным. В частности, в нем нет внятного заключения.

Отметив недостаточное количество данных, что объясняется малым числом исследований и огромной территорией, на которой разбросаны поселения якутов, он считает возможным предложить свою «социологическую» схему эволюции. Изначально религиозная и властная функции существовали в единстве, затем религиозная функция отделилась от функции главы рода, «князьца». У религиозной функции появился носитель — шаман. Само шаманство также пережило процесс эволюции: сначала выделилось «белое шаманство» — религия, затем «черное шаманство» — магия и колдовство. При этом он считает возможным проводить аналогию с европейским средневековым колдовством, которое, по его мнению, стало ответом на католическую религиозность [54].

Он замечает, что шаман не является носителем власти. Его связь с общностью не властная, а психологическая. Шаман воздействует на психику людей, корректируя тем самым их социальное поведение. Реальный этнографический и психиатрический материал, который необходимо было учитывать и описывать, по-видимому, противоречил марксистским установкам, заставляющим писать, что «шаманство в значительной мере призвано обслуживать, правда, более или менее удачно, хозяйственные нужды и преодолевать затруднения в процес-

се материального производства» [55]. И Б. Ф. Поршнев пытался (довольно путано) найти между ними компромисс. Для этого он вводит в оборот ряд новых инструментальных понятий: «иррациональность биологическая», «иррациональность социальная», «горизонтальная история», «вертикальная история», использует известные ему психологические концепции. В частности, в трансовом единстве, которое возникает между шаманом и аудиторией во время камланий, он видит «первоначальную форму всех человеческих отношений, эту первобытную социальную зависимость как историческое основание всех последующих сложных социальных форм [...]». Шаманство, таким образом, в этом смысле является продуктом бесклассовости и бесгосударственности вторичного или производного порядка, последующим восполнением специфическими и отражающими в себе свое сложное происхождение видами примитивных форм тех пробелов, которые возникают в силу конкретных исторических причин в социальной структуре общества или, наоборот, вследствие конкретной невозможности осуществить назревшую в его недрах потребность перейти на новую ступень классового развития. Корни якутского шаманства, следовательно, можно искать в условиях распада господствующего некогда в якутском обществе феодально-родового строя или в условиях новейшего существования якутов в качестве составной части Российской империи» [56].

Рецензентами по докладу Б. Ф. Поршнева были этнографы П. Ф. Преображенский, С. А. Токарев и уже упоминаемый В. К. Никольский. Отзыв П. Ф. Преображенского краток и формален. Он предложил зачитать доклад, отметив «тщательное штудирование источников», «сравнительно небольшую этнологическую подготовку автора» и его «остроумную критику существующих гипотез о происхождении шаманства» [57].

С. А. Токарев оценил работу Б. Ф. Поршнева положительно и отметил, что она «социологическая» и только «формально посвящена якутскому шаманству». Автор, по его мнению, в большей степени стремился создать «теорию» и «диалектическое построение», подражая «построению некоторых глав «Капитала» Маркса.

Однако автор «не этнограф и в этнографии эрудирован довольно слабо», поэтому «допускает здесь немало рискованных, произвольных и просто неверных утверждений», «сама проблема поставлена чересчур отвлеченно», и «конце концов, якутское шаманство осталось за пределами работы т. Поршнева» [58]. Отзыв В. К. Никольского, также отметившего отсутствие в докладе реального этнографического материала и его излишнюю абстрактность, полностью отрицателен [59].

Одним из самых непростых вопросов в ходе пребывания в аспирантуре был вопрос о практиках аспирантов. Со второго курса аспиранты должны были, говорится в решении методической комиссии от 12 апреля 1928 г., «вести практику в вузах, комвузах, спецкурсах, техникумах, рабфаках, совпартшколах» [60]. Б. Ф. Поршнев, по видимому, эту практику так и не прошел. В его учетной карточке за 1928/29 учебный год в графы о практике 1, 2 и 3 года обучения остались пустыми [61].

Видимо, еще в 1929 г. Б. Ф. Поршневым была написана статья «Министерства в России» для Малой советской энциклопедии, но издана она была уже в 1930 г. [62]. Вероятно, он к осени 1930 г. ликвидировал все свои задолженности, и 11 октября 1930 г. дирекция Института истории Комакадемии во главе с Н. М. Лукиным вынесла решение считать его «окончившим Ин-т истории» 1 октября 1930 г. [63].

Полуторагодовой период пребывания Б. Ф. Поршнева в Ростове почти не поддается реконструкции. Сам он позднее писал, что работал там в Северо-Кавказском краевом коммунистическом университете, Педагогическом институте и Научно-исследовательском институте горских народов. Основным местом его работы стала кафедра всеобщей истории Северо-Кавказского комвуза. В это время в Ростове шло несколько кампаний разоблачений, в том числе и преподавателей. Б. Ф. Поршнев пока сочетал свой интерес к русской общественной мысли и обозначившийся интерес к истории Франции. В плане работы на 1932 г. упомянуто его исследование «Троцкизм и вопросы истории русской общественной мысли. Исполнитель —

Поршневу. Сроки 9 месяцев» [64]. На отчетном собрании преподавателей и сотрудников за 29 апреля 1931 г. Б. Ф. Поршнева упрекали за «неверные политические формулировки движущих сил Великой французской революции» [65].

2 октября 1932 г., уже вновь обосновавшись в Москве и после более чем двухлетнего пребывания в Ростове, Б. Ф. Поршневу получил в Коммунистической академии об этом официальную выписку из протокола дирекции [66].

Больше Б. Ф. Поршневу образование не получал. Материалы его биографии показывают, что он не имел систематического исторического образования. В середине — конце 1920-х гг. исследовательский интерес Б. Ф. Поршнева лежал в области изучения России XIX в., революционных и общественных движений, которые предшествовали большевизму. Обучаясь в Институте истории РАНИОН и затем в Институте истории Комкадемии, он, по-видимому, выполнил все формальные требования, что позволило ему окончить аспирантуру без представления диссертации, работать над которой он, видимо, не начинал. Ко второй половине 1920-х гг. относятся его первые печатные работы. Обучение Б. Ф. Поршнева в аспирантуре позволяет сделать вывод о том, что он не собирался становиться исследователем Франции и что он был скорее учеником В. И. Невского, чем В. П. Волгина. Уже в начале научной деятельности Б. Ф. Поршнева современники, М. Н. Покровский и его последователи, замечали у него склонность к теоретическому конструированию и слишком свободное манипулирование источниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поршнева Е. Реальность воображения (записки об отце) // Поршневу Б. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб., 2007. С. 545–548.
2. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архив Российской академии наук. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 211; Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90. Л. 8. Далее: Архив РАН.
3. Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Центральный государственный архив г. Москва». Ф. 1609. 1-й Московский государ-

- ственный университет им. М. Н. Покровского. Оп. 6. Факультет общественных наук (в описи в алфавитном порядке приведен полный перечень личных дел студентов).
4. Там же. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–2, 4.
 5. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 211.
 6. Там же. Л. 162
 7. Там же. Л. 194, 215. Первоначально тема, как сказано в других материалах, имела другое название: либо «Славянофильские черты народничества», либо «Черты славянофильства в народничестве».
 8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 166. Л. 22. Далее: ГАРФ.
 9. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 206, 215.
 10. Там же. Л. 192.
 11. Там же. Л. 206.
 12. Там же. Л. 191–192.
 13. Там же. Л. 194.
 14. Там же. Л. 215.
 15. Там же. Ед. хр. 1. Л. 20.
 16. ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 264. Л. 12.
 17. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 207 об.
 18. Там же. Л. 207 об.
 19. ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 155. Подлинные протоколы заседаний секции средневековой истории за 1923–1928 гг. Л. 40.
 20. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 206.
 21. Там же. Л. 215.
 22. Там же.
 23. Там же. Л. 206; Оп. 1. Д. 1. Институт истории Комакадемии. Заявления, планы индивидуальной подготовки и отчеты аспирантов Института истории РАНИОН. С. 43.
 24. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.
 25. Там же. Л. 43; Оп. 3. Д. 62. Л. 196.
 26. Там же. Оп. 3. Д. 62. Л. 196.
 27. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 844. Оп. 4. Д. 223. Л. 18–18 об.
 28. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 163; Оп. 1. Д. 22. Л. 7.
 29. Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 60–60 об. В целом список отчисляемых в разное время аспирантов насчитывает не менее 20 фамилий. Судя по нему, только у Л. В. Черепнина диссертация была готова. Не исключено, что

- по мере усиления в РАНИОН последовательных марксистов некоторым диссертантам просто не давали защитить диссертации по причине их недостаточного марксизма. Сохранилась протестующая телеграмма Д. М. Петрушевского от 4 июня 1929 г., адресованная президиуму РАНИОН, в которой он требует дать возможность защитить диссертации Л. В. Черепнину, И. С. Макарову и В. И. Шункову. Полный текст телеграммы воспроизведен автором, см.: Кондратьева Т. Н. Кое-что о том, как создавался учебник по истории Средних веков для школ (1934 год) // Европа: международный альманах. Вып. IX. Тюмень, 2010. С. 74.
30. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 46–47 об.
 31. Там же. Оп. 3. Д. 62. Л. 200, 201.
 32. Там же. Л. 203.
 33. Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. С. 151–152; Историческая наука в Московском университете, 1755–2004. С. 372. Секция истории Запада появилась в Институте истории РАНИОН в результате объединения секции средневековой истории и секции новой истории в конце 1928 — начале 1929 г. См.: Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Западноевропейское Средневековье в Институте истории РАНИОН // Европа: международный альманах. Вып. VII. Тюмень: Мандр и К, 2007. С. 68.
 34. См. многочисленные примеры: Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX в.). Тюмень: Мандр и К, 2003.
 35. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 199.
 36. Там же. Л. 202.
 37. Там же. Л. 197, 198–198 об.
 38. Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 97, 98.
 39. Там же. Л. 122, 123.
 40. Там же. Л. 117–117 об.
 41. Там же. Оп. 3. Д. 62. Л. 204.
 42. См. подробнее: Цепилова В. И. Российская эмиграция и 100-летие выступления декабристов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 159–166.
 43. Покровский М. Н. «Декабристы» (Легенда и действительность) // Декабристы. М.; Л., 1927; Его же. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. 2-е изд. М.; Л., 1927.

44. Гессен С. Я. Декабристы перед судом истории (1825–1925). М.; Л., 1926.
45. Поршнева Е. [Рецензия] // Каторга и ссылка. 1929. № 10. С. 204–210. Рец. на кн.: Парадизов П. Очерки по истории декабристов. М., 1929.
46. Поршнева Е. Указ. соч. С. 548; Вите О. Борис Федорович Поршнева и его критика человеческой истории // Французский ежегодник. М., 2005. С. 5; Гладышев А. В. Три советских историка французского коммунизма XVIII в. Волгин, Поршнева, Кучеренко // Французский ежегодник. М., 2007. С. 204; Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 184.
47. Гладышев А. В. Историк руководящий — В. П. Волгин // Историк и власть: советские истории сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 136–142.
48. Архив РАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90. Л. 4 об., 8.
49. Там же.
50. Там же. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 181, 184, 189.
51. Там же. Л. 218.
52. Там же. Л. 225–226.
53. Там же. Л. 226.
54. Там же. Л. 233.
55. Там же. Л. 227–228.
56. Там же. Л. 272, на последующих листах примеры и рассуждения по поводу «шаманства», «хозяйствования» и «материального производства».
57. Там же. Л. 244–245.
58. Там же. Л. 164.
59. Там же. Л. 166–171, 172–176. Отзыв сохранился в двух экземплярах. На втором экземпляре имеется автограф рецензента.
60. Там же. Л. 181–184, 185–189. Этот отзыв также сохранился в двух экземплярах. Второй экземпляр содержит автограф рецензента.
61. ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 168. Л. 4 об. – 5, 9.
62. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.
63. Поршнева Е. Министерства в России // МСЭ. Т. 5. М., 1930.
64. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 190.
65. Государственное казенное учреждение Ростовской области «Центр документации Новейшей истории Ростовской области». Ф. 117. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.
66. Архив РАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90. Л. 3.